

Ю.А. Лысенко

Структура, цели и задачи деятельности Киргизских православных миссий Оренбургской и Омской епархий (сравнительный анализ)

Ключевые слова: православие, ислам, миссионерство, казахи, Степной край, духовная миссия, проповедь, Российская империя.

Key words: Orthodoxy, Islam, missionary work, Kazakh people, Steppoy kray, spiritual mission, sermon, Russian Empire.

На протяжении XIX в. светские и духовные власти Российской империи неоднократно обсуждали вопрос о целесообразности и перспективности открытия православной духовной миссии среди казахского населения. Несмотря на наличие сторонников положительного решения данной проблемы, господствующим все же являлось мнение о необходимости сдерживания этого процесса.

Главными причинами преждевременности открытия православной миссии указывались возможность недовольства и сопротивления со стороны казахов; их своеобразное религиозное мировоззрение, характеризующееся синкретизмом языческих культов и ислама, делавшее казахов не способными к адекватному восприятию православия; кочевой образ жизни, препятствующий созданию стационарных отделений миссии, а также причины внешнеполитического характера, например, захват российской армией в середине XIX в. среднеазиатских владений, являвшихся исламскими центрами в регионе.

Позитивно вопрос об организации работы православной миссии среди казахов-кочевников был решен в 80-е гг. XIX в. Позиция правящих кругов и духовных властей на данную проблему подвергалась трансформации благодаря целому комплексу обстоятельств. Однако определяющим было увеличение общей численности мусульман России и их социокультурная интеграция, что могло представлять, по мнению правительства, угрозу территориальной целостности империи.

Выход виделся в создании системы противодействия процессу сближения мусульманских народов. Например, с середины XIX в. принимается ряд законов, направленных на ограничение распространения ислама среди казахов. С этой же целью была организована работа Киргизских православных миссий, названных в учредительных документах как «противомусульманские» [1, с. 47–58].

Созданная в 1882 г. первая Киргизская православная миссия до 1895 г. функционировала как филиал Алтайской духовной миссии на территории Алтайского горного округа [2] и подчинялась Томским епархиальным властям. Выбор данного регио-

на как места для стартовой площадки Киргизской миссии не был случайным и определялся рядом обстоятельств.

Во-первых, православная миссия в Алтайском горном округе действовала с 30-х гг. XIX в. и имела, таким образом, богатый опыт работы¹. Успешное распространение православия среди алтайских племен объяснялось тщательно продуманной программой действий алтайских миссионеров, разработанной в контексте методики Н.И. Ильминского. Главными ее составляющими были преодоление языкового барьера – изучение миссионерами алтайского языка, перевод православной литературы на алтайский язык, пропаганда и внедрение русского языка среди местного населения; привлечение на службу в миссию представителей из местной этнической среды². Огромную роль играл фактор постоянного проживания миссионеров в станах, их многократные поездки по кочевьям алтайских племен, проведение и контроль за соблюдением всей православной обрядовой практики, а также продуманная программа социальной поддержки новокрещеных.

Во-вторых, с 70-х гг. XIX в. миссионеры Алтайской миссии стали включать в поле своей деятельности казахское мусульманское население, активно осваивавшее регион в данный период. Центром антиисламской деятельности на Алтае стал Черно-Ануйский стан православной миссии, основанный в 1844–1848 гг. [3, л. 187–200]. В-третьих, не только опыт работы алтайских миссионеров с казахами-мусульманами являлся определяющим в этой ситуации. Местные власти все-таки опасались акций протеста со стороны последних, поэтому немногочисленность алтайских казахов позволила бы в случае проявления недовольства быстро среагировать и потушить очаг сопротивления.

Открытие Киргизской миссии на территории Алтайского горного округа в 1881 г., ее первые успехи и отсутствие негативной реакции со стороны казахского

¹ Алтайская православная миссия на Иркутском миссионерском съезде, прошедшем в 1910 г., была признана наиболее успешной из действующих на территории России.

² Для реализации этой задачи в 1890 г. было создано Бийское миссионерское катехизаторское училище. Итоги его деятельности можно оценить по следующим фактам: в 1915 г. в 13 церквях второго благочиния Алтайской миссии, включающего приходы Бийского уезда, служило 8 священников, 5 диаконов, 10 псаломщиков – инородцев (алтайцев), в 71 одноклассной церковно-приходской школе этого же благочиния в этом же году работало 44 учителя-алтайца.

населения явились поводом к активизации работы властей по открытию аналогичных миссий в Степном генерал-губернаторстве.

На юге Тобольской епархии – на территории Акмолинской и Семипалатинской областей – подготовительные мероприятия к созданию миссии начались с поездки епископа Тобольского Авраамия по казахской степи в 1887 г. и открытия миссионерской школы, а в 1890 г. и миссионерского стана в станице Щучинской [4]. Однако дальнейший процесс образования станом Киргизской миссии в регионе был приостановлен в связи с начавшейся работой по образованию Омской епархии.

В процессе формирования границ новой епархии ей была передана часть приходов Томской и Тобольской епархий (Акмолинская и Семипалатинская области), в том числе станы Киргизских миссий, действовавших в Акмолинской области (Тобольской епархии) и Алтайском горном округе (Томской епархии). 1895 г., когда был подписан Синодом Указ о создании Омской епархии, явился одновременно годом образования Киргизской миссии Омской епархии.

Основной целью деятельности Киргизской миссии Омской епархии становилась борьба с распространением ислама в степи и миссионерская работа среди казахского населения. Поскольку генетически Киргизская миссия Омской епархии восходила к Алтайской духовной миссии, ею были заимствованы основные принципы структурной организации последней. Главой миссии назначался начальник, непосредственно подчинявшийся Омским епархиальным властям. Он единолично руководил делами миссии, занимался распределением ее бюджета, вел переписку с епархиальными властями и ежегодно отчитывался перед ними о результатах своей деятельности. Ему назначался помощник.

В основе деятельности Киргизской миссии, по аналогии с Алтайской миссией, был заложен принцип организации работы станом³. Станы являлись административно-территориальными единицами миссии, в каждый из которых назначались миссионер-священник, псаломщик, учитель для организации работы миссионерской школы и переводчик. Из-за нехватки профессиональных кадров и экономии денежных средств довольно часто обязанности учителя в школе выполнял священник-миссионер или переводчик, учитель совмещал функции переводчика.

Для достижения поставленной цели миссионерам станом был четко очерчен круг должностных обязан-

ностей. Выполнять функции приходских священников им строго запрещалось. Сотрудники обязаны были сосредоточиваться только на миссионерской работе, совершать разъезды по казахской степи, проводить беседы с казахами на религиозные темы. Особое внимание миссионеры были обязаны уделять религиозно-нравственному воспитанию новокрещенных казахов: селить их в станах миссии, организовывать их быт, приобщать к земледелию, контролировать соблюдение крещеными обрядов православной церкви, постов, способствовать их хозяйственной адаптации и т.д. Крестить казахов имели право только миссионеры, при этом им не нужно было обращаться за разрешением к светским или духовным властям. Миссионеры обязаны были также ежегодно представлять отчеты о своей деятельности начальнику Киргизской миссии и через него вести переписку с епархиальными властями.

Созданный в 1897 г. Омский епархиальный комитет православного миссионерского общества не контролировал деятельность Киргизской миссии, а был призван лишь оказывать ей содействие. В частности, комитет занимался поиском средств на миссионерские нужды епархии, «...стремился возбудить сочувствие к миссионерскому делу и привлечь ревнителей православной веры и христианского благочестия к посильным жертвованиям, необходимым для осуществления предназначенной Уставом Православного миссионерского общества цели – обращение в православие обитающих в пределах Российской империи не христиан и утверждения обращенных в истинах Святой веры и правилах христианской нравственности» [5, с. 28].

Для более успешной организации работы миссии, её руководство уделяло огромное внимание профессиональной подготовке своих сотрудников. Она осуществлялась в контексте системы Н. Ильминского, теоретика миссионерства среди инородцев империи, и была направлена на широкое привлечение на службу в миссию представителей казахского этноса, а также изучение русскими миссионерами казахского языка, основ ислама и т.д. И если в начальный период своей деятельности миссия испытывала недостаток в профессионально подготовленных кадрах, то постепенно эта проблема была ею успешно решена.

Например, помощник учителя в школе Центрального стана новокрещенный казах Владимир Петров был направлен в 1900 г. для продолжения образования в Казанскую инородческую семинарию. В этом учебном заведении с 1897 г. обучался еще один новокрещенный казах Василий Сергеев. Переводчик при Центральном стане миссии новокрещенный казах Петр Никандрович Отчагаров, закончивший Бийское катехизаторское училище, в 1900 г. был направлен в томскую ветеринарно-фельдшерскую школу. Должность псаломщика Шульбинского стана на рубеже XIX–XX в. занимал крещенный татарин Казанской губернии и окончивший русско-татарскую школу

³ Киргизская миссия Омской епархии распространяла свою деятельность на Семипалатинскую и Акмолинскую области Степного края и часть уездов Алтайского горного округа Томской губернии. С 1882 по 1917 г. благодаря усилиям её служащих была организована работа девяти станом: на территории Семипалатинской области – Буконьского, Большенарымского, Долонского, Шульбинского, Черноярского и Заречной слободы, на территории Акмолинской области – Атбасарского. Еленинского (Александровского), Татарского.

Федор Низкий, а обязанности переводчика и диакона выполнял новокрещеный казах Василий Багайнаков. В шести из девяти станом Киргизской миссии в 1900 г. переводчиками работали новокрещеные казахи.

В целом, в 1900 г. в Киргизской миссии Омской епархии служили: архимандрит, 8 миссионеров, из которых 3 иеромонаха с академическим образованием, 2 священника с семинарским образованием, один священник, не окончивший семинарию, и два священника, получившие профессиональное образование на миссионерских курсах. Помимо них в миссии работали 9 псаломщиков, трое из которых закончили Казанскую Центральную крещенско-татарскую школу, четверо – Бийское катехизаторское училище, один – Омскую центральную фельдшерскую школу; два учителя, окончившие городские училища, один псаломщик-учитель, и шесть переводчиков, один из которых прошел Бийскую катехизаторскую школу, один – церковно-приходскую школу, остальные переводчики получили образование в городских начальных училищах или начальных школах. Всего с Киргизской миссии, таким образом, в 1900 г. работали 28 человек, и практически все из этого числа имели образование, позволяющее им выполнять свои должностные обязанности на высоком профессиональном уровне [6, с. 7].

Одновременно с Киргизской миссией Омской епархии процесс становления в 80–90-е гг. XIX в. переживала антиисламская миссия Оренбургской епархии. Однако проходил он в совершенно иных социокультурных и исторических условиях, чем в Омской епархии, и потому имел свои специфические особенности.

Оренбургская епархия была образована в 1856 г. путем выделения её в самостоятельную из Оренбургско-Уфимской и передачи ей приходов Оренбургского, Орского, Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии и Уральской и Тургайской областей Степного генерал-губернаторства. В границах данных административно-территориальных единиц Оренбургской епархии на протяжении нескольких столетий проживали и вступали в межкультурное взаимодействие многочисленные народы Поволжья и Южного Зауралья – русские, чуваша, мордва, башкиры, калмыки. Значительную этноконфессиональную группу здесь представляли татары, игравшие значительную роль в судьбах народов Оренбургского края, являясь, главным образом, проводниками ислама среди них. Благодаря во многом успешной деятельности мусульман-татар, поощряемой правительством Екатерины II, влияние ислама среди казахов-кочевников здесь ощущалось сильнее, чем в Омской епархии.

Правящие круги Российской империи на протяжении XVIII – первой половины XIX в. несколько раз меняли вектор религиозной политики в отношении мусульман Поволжья и Южного Зауралья, переходя

от свободы религиозного вероисповедания к ограничению ислама и распространению среди них христианства как составляющей процесса руссификации. Однако, несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки, здесь до середины XIX в. так и не была создана специальная миссионерская структура.

Изменения, происходящие в общественно-политической жизни России в 70–80-е гг. XIX в., значительно ускорили процесс создания православных миссионерских организаций среди инородческого населения империи. Не остались в стороне от этого процесс и Оренбургские епархиальные власти. Органом, который взял на себя функции по координации миссионерской антиисламской деятельности православной церкви в регионе, стал Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества, созданный в ноябре 1875 г.

Открытию «антимусульманской» миссии среди казахского населения Тургайской и Уральской областей предшествовала длительная подготовительная работа, которую провел комитет. По его поручению в 1892–1893 гг., для выяснения целесообразности и перспективности открытия здесь православной миссии состоялась поездка в регион будущего начальника Киргизской миссии Оренбургской епархии священника Ф. Соколова, в совершенстве владеющего казахским языком.

По итогам поездки Ф. Соколов сделал выводы о том, что в Тургайской области сложились благоприятные обстоятельства для открытия православной миссии. Основанием для таких выводов послужило крещение священником небольшой группы казахов. В «отчете» о поездке он подчеркивал, что с принятием крещения новообращенный только начинает духовный путь, путь просвещения. Поэтому священник настаивал на скорейшей организации деятельности православных миссионеров среди крещеных казахов с целью утверждения их в вере [7, л. 5об.]. Оренбургские епархиальные власти поддержали Ф. Соколова, решение об открытии «...в Оренбургской епархии, так называемых, миссионерских станом по примеру Томской епархии» было утверждено Синодом 19 августа 1893 г. [7, л. 5об.–6].

Таким образом, одной из задач православной миссии в Западном Казахстане явилась необходимость ограничения ислама среди казахского населения путем распространения православия. В то же время активная работа епархиальных властей по открытию Киргизской миссии в Тургайской области была обусловлена и ещё одним обстоятельством. Во время поездки по степи Ф. Соколов наряду с казахскими кочевьями посетил значительное количество заимок, хуторов и поселков русских крестьян-переселенцев. Ему также довелось встречаться с русскими семьями, работающими и постоянно проживающими в казахских аулах.

Информация о религиозно-нравственном положении русских, проживающих в Тургайской степи,

представленная в отчете о поездке Ф. Соколовым, вызвала широкий резонанс среди епархиальных властей и членов Оренбургского комитета миссионерского общества. После заслушивания данного отчета на заседании Комитета на него был наложен гриф «секретно».

В отчете Ф. Соколов сообщал о многочисленных фактах культурной и религиозной аккультурации русского населения казахским [8, л. 73об.; 9, л. 267об.]. Указывались факты незаконного совместного проживания мужчин и женщин, многоженства «по примеру киргиз», незаконного рождения детей. «Дети, – по свидетельству Ф. Соколова, – растут в полном неведении своей веры родной, но и народности, и совсем окиргизиваются. ... даже взрослые из них – лет 16–17 не знают молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках, и вообще ничем не отличаются от киргизят» [10, л. 20об.–21об.]. В некоторых аулах Ф. Соколов встречал русских детей, вообще не знающих родной язык, говорящих только на казахском, при этом обучающихся «у мулл, и, конечно, магометанскому вероучению» [7, л. 5].

Многочисленные свидетельства религиозной и культурной ассимиляции русских крестьян-переселенцев казахами привели к пониманию необходимости организации миссионерской работы и среди русского населения епархии с целью утверждения его в православной вере. На заседаниях епархиального комитета, предшествовавших созданию Киргизской миссии в Тургайской области, подчеркивалась важность организации и вовлечения русских детей в церковно-школьное образование и воспитания их в духе православной системы. Поскольку большинство из них проживало в отдаленных аулах и хуторах, для них предлагалось создавать систему интернатов с полным обеспечением и содержанием их за счет государства. Выпускники таких школ-интернатов могли стать «в степи отличными проводниками христианства в среду киргиз» [11, л. 2].

Таким образом, цель и задачи деятельности Киргизской миссии Оренбургской епархии были определены епархиальными властями гораздо шире, чем это было сделано для служащих аналогичной миссии в Омской епархии. Наряду с работой среди казахского населения, направленной на ограничение влияния ислама и распространение православия, оренбургские миссионеры должны были проводить пропаганду православия среди крестьян-переселенцев, укреплять их в вере и ограждать от влияния исламских проповедников и казахов-мусульман.

Первоначально свою работу комитет строил по аналогии с Киргизской миссией Омской епархии – для руководства ее деятельностью была создана должность начальника, а процесс расширения православной пропаганды в казахской степи сопровождался

организацией работы станом, с назначением в них миссионеров-священников⁴.

Однако в 1901 г. в составе Оренбургской епархии была учреждена ещё одна антиисламская миссия, которая начала работу за пределами казахской степи – на территории Оренбургской губернии, призванная укреплять в православной вере крещеных татар и чувашей. Появление двух аналогичных по цели и задачам миссий, действовавших в составе одной епархии, привело к необходимости формирования координирующего центра, а значит к необходимости поиска новой системы в организации деятельности антиисламской миссии. Поэтому на рубеже XIX–XX вв. в Оренбургский епархиальный комитет миссионерского общества провел реструктуризацию управления антиисламскими миссиями.

За основу перестройки были приняты Правила об устройстве миссий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам, разработанные на первом миссионерском съезде в июне 1887 г. и утвержденные через год Синодом. Согласно Правилам, в епархиях вводились специальные должности епархиальных, уездных или окружных (по благочинническим округам) миссионеров [12, с. 488–489].

По аналогии с антисектантскими и антираскольничьими миссиями, действовавшими во многих сибирских епархиях, в октябре 1899 г. в Оренбургской епархии была учреждена должность «епархиального миссионера против ислама» «для объединения пастырей церкви и других деятелей миссии в борьбе с мусульманством» [13, с. 173]. На должность епархиального миссионера назначался священнослужитель, знакомый с особенностями жизни инородческого населения епархии, содержанием исламского учения, имевший специальную профессиональную подготовку. Его деятельность распространялась на все мусульманское население епархии. Он освобождался от обязанностей приходского священника и должен был заниматься проповедью слова Божьего, проведением полемических бесед с мусульманами, посещением православных инородческих приходов, утверждением в православной вере инородцев, принявших православие, контролировать деятельность мулл и принимать меры к пресечению их религиозной пропаганды среди русского населения [13, с. 174].

В подчинение епархиального антиисламского миссионера поступали областные (окружные) миссионеры. Они назначались из числа наиболее способных к миссионерскому делу местных приходских священников. При этом они не освобождались от приходских обязанностей и должны были совмещать две должности. Отправляя требы и совершая богослужения для православного населения, они парал-

⁴ За весь период существования Киргизской миссии Оренбургской епархии была организована работа четырех станом: в Тургайской области – Макарьевского, Актюбинского и Александровского, в Уральской области – Чиликтинского.

тельно проводили в приходах своей области (округа) публичные и частные беседы среди мусульманского населения, увещевали колеблющихся, вели надзор за работой миссионерских и церковно-приходских школ, работали с русским населением по закреплению его в православной вере, пропагандировали православие и т.д.

В связи с введением должности окружных миссионеров должность начальника Киргизской (Тургайской) миссии была аннулирована. Руководство ею передавалось окружному миссионеру Киргизской миссии, который в своих действиях был подотчетен перед епархиальным миссионером. Окружному миссионеру Киргизской миссии подчинялись два уездных миссионера Киргизской миссии (Актюбинский и Кустанайский), которым, в свою очередь, подчинялись заведующие станами миссии.

4 июля 1913 г. должность епархиального миссионера в Оренбургской епархии была упразднена. При этом расширялось количество окружных миссионеров, потому что «...при территориальной обширности епархии и при большом числе населяющих ее инородцев-мусульман, одному лицу весьма затруднительно вести миссионерскую борьбу с исламом» [14, л. 3].

В 1915 г. в состав антиисламской миссии Оренбургской епархии входило три окружных миссионера: первый – священник Даулей, действовал в Кустанайско-Тургайском районе, второй – священник Мазохин в Актюбинском районе [15, л. 36об.]. Третий окружной миссионер – приходской священник Кулевчинского поселка Верхнеуральского уезда И. Харитонов, хорошо владевший монгольскими диалектами и 14 лет проработавший в Забайкальской епархии, контролировал крещеных и отпавших из православия калмыков, проживающих в пределах Верхнеуральского и частично Троицкого уездов Оренбургской губернии [14, л. 4об.].

Наряду с непосредственными сотрудниками Киргизской (антимусульманской) миссии, в её работе обязаны были принимать участие причты приходов Оренбургской епархии. Руководство епархиального комитета миссионерского общества считало, что сеть переселенческих русских приходов в глубине казахской степи призвана оказать «великую услугу современному русскому православному делу». Члены причтов таких приходов считались сотрудниками миссионеров и обязаны были заниматься пропагандой «русско-православных начал в орде, в целях слияния её жителей с коренным русским населением». Для реализации поставленной цели приходские священники совершали миссионерские разъезды по казахским степям, аулам, заимкам и хуторам со словом проповеди, а также организовывали и вели наблюдение за деятельностью миссионерских церковно-приходских школ [16, с. 201]. В ежегодных Отчетах о деятельности миссии обязательно перечислялись наиболее отли-

чившиеся в миссионерской работе причты приходов Оренбургской епархии⁵.

В результате штат сотрудников Киргизской миссии Оренбургской епархии был значительно шире, чем в аналогичной миссии Омской епархии. Например, в 1909 г. в подчинении окружного миссионера Киргизской миссии в Кустанайском уезде находились один уездный миссионер, 25 причтов в лице одного протоиерея, 30 священников, 10 диаконов, 17 псаломщиков, в Тургайском уезде – 16 причтов, в лице 14 священников, 4 диаконов, 11 псаломщиков, всего 87 человек [16, с. 202].

Одной из главных проблем в работе Киргизских миссий Омской и Оренбургской епархий явилось то обстоятельство, что процесс организации работы станов в казахской степи по времени совпал с началом крестьянского движения из центральных губерний России за Урал. Крестьяне-переселенцы активно осваивали земли Южной Сибири, Алтая и Казахстана. Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области Степного генерал-губернаторства стали регионами активного выхода крестьян-переселенцев.

Массовая миграция крестьян сопровождалась глубокими социальными издержками и проблемами социально-экономического порядка – нехваткой нарезанных земельных наделов, проблемами аренды земли у казачества и казахов и т.д. Кроме этого, в регионе совершенно неразвитой оказалась церковно-приходская система, количество православных храмов было минимально низким, не хватало профессионально подготовленных приходских священников. Вновь образованные станы и поселки для новокрещеных казахов стали очень быстро смешанными в этническом плане: «...переселенцы-крестьяне при крайней скудности церквей... усиленно стремились селиться при миссионерских церквях» [17, с. 6].

Так, например, в Александровском стане Киргизской миссии Омской епархии в 1911 г. священник А. Иовлев, наряду с миссионерскими функциями, выполнял религиозные требы для жителей 14 переселенческих поселков [22, с. 18]. Район деятельности миссионера Долонского стана к концу XIX в. включал 12 казачьих поселков, 3 крестьянских и 2 татарских деревни, а также Аккульскую, Бескарагайскую, Малыбаевскую, Сентаневскую, Айчыржалскую, Кентюбекскую казахские волости [18]. Обязанности приходского священника выполнял миссионер и Большенарымского стана, «... что отвлекало его от своих прямых обязанностей» [19, л. 1об.].

По данным Отчетов о деятельности служащих Киргизской миссии Омской епархии, славянское на-

⁵ Например, в 1902 г. к таковым были причислены священники Жуковского, Боровского, Владимирского, Затобольского, Семиозерного, Борисовско-Романовского, Градо-Тургайского приходов Тургайской области, Градо-Иргизского, Карабутакского, Михайловского, Уильского и Темирского Уральской области.

селение увеличивалось в станах с каждым годом. В 1901 г. паству миссии составляли 4633 человека, из которых русских – 4121 чел., казахов – 512 чел., в 1907 г. этот показатель возрос до 8006 чел., из которых 7716 – русские и 290 – крещеные казахи, в 1909 г. 13333, 12837 и 296 соответственно. Таким образом, большинство паствы Киргизской миссии Омской епархии составляли крестьяне-переселенцы, а не новообращенные казахи. Миссионерам фактически не было времени прилагать «все старания ... на служение именно миссии, путем изучения языка, миссионерской литературы, ... беседами с новокрещеными, устройением их быта и т. д.» [20, л. 7об.].

Аналогичная ситуация имела место и в Оренбургской епархии. В конце XIX в. миссионер Макарьевского стана Г. Крашенинников настаивал на открытии второго штата причта, поскольку со времени образования стана в его состав постепенно вошло и русское население, численностью около 2000 человек. В заведывании миссионера находились также Макарьевская миссионерская школа с интернатом, Макарьевская женская церковно-приходская школа грамоты и Степановская женская церковно-приходская школа, в которой миссионер был назначен на должность учителя Закона Божьего. Г. Крашенинников подчеркивал, что заведовать Макарьевским станом, в котором числится «... до 22 семей новокрещеных киргиз» и тем более совершать поездки по окрестным аулам хотя бы один раз в год ему совершенно не остается времени [13, л. 182об.–183об.].

Решение возникшей проблемы руководство антимусульманских миссий Омской и Оренбургской епархий видели по-разному. Как указывалось выше, окружные (областные) и уездные миссионеры Оренбургской епархии одновременно являлись и приходскими священниками. Поэтому епархиальные власти не стремились развести функции приходских и миссионерских священников для служащих антиисламской миссии. Работа миссионеров должна была сводиться к поездкам «со словом проповеди» для посещения русских поселков, разбросанных по казахской степи «в виде хуторов и займок» [21, с. 284].

Выход из ситуации Оренбургский епархиальный комитет миссионерского общества видел в расширении штата антиисламской миссии за счет привлечения на службу (без материального вознаграждения) новых членов причтов русских поселений, расположенных в казахской степи. Они должны были проповедовать за богослужением, «при внебогослужебных беседах и чтениях говорить о спасительности христианства и о несостоятельности и пагубной лживости мухаммеданства», раздавать брошюры, книги, листы религиозно-нравственного миссионерского содержания на русском и казахском языках, совершать в инородческих приходах богослужение на их родном языке, православных русских и крещеных казахов призывать к тому, «что бы они своею христианскою

жизнью, сообразной с высотой христианского учения, привлекали к себе заблудших во тьме невежественных инородцев» [22, л. 52].

Подобная позиция Оренбургского епархиального комитета миссионерского общества объективно способствовала смещению акцентов в работе миссионеров Оренбургской епархии и постепенному сведению на нет их работы среди казахского населения. Свидетельством данного тезиса является тот факт, что успехи миссии в Оренбургской епархии не должны были, по мнению её руководства, измеряться количеством новокрещеных за определенный промежуток времени. Поэтому в своих годовых отчетах о деятельности миссионеры иногда вообще не указывали точное их количество.

Совсем иная позиция на проблему исполнения миссионерами обязанностей приходских священников была у руководства Киргизской миссии Омской епархии. Начальник миссии Киприан в начале XX в. оценивал сложившуюся в Семипалатинской и Акмолинской областях ситуацию как «критическую» и активно настаивал на безотлагательном освобождении миссии от приходских обязанностей. Он утверждал, что в противном случае «... служение миссии оказывается делом бесплодным, непроизводительной тратой времени и денег», и предупреждал, что «... из всей миссии я могу остаться один с оо. (отцами. – Л.Ю.) миссионерами, остальное все ускользнет незаметно для нас», имея в виду полный откол новообращенных казахов. Он настаивал на назначении в станы священников и открытия самостоятельных приходов [23, л. 7об., 8, 14].

Однако процесс церковно-приходского строительства в Степном крае проходил крайне медленными темпами, что объяснялось прежде всего причинами субъективного характера. Открытие новых приходов совершалось по правилам, установленным Синодом, согласно которым население предполагаемого прихода должно было представить письменное обязательство епархиальным властям о том, что оно возьмет на себя расходы по содержанию причта прихода и постройке ему домов для проживания, а также гарантирует плату за требы.

Большинство крестьян-переселенцев в связи с переменной места жительства и процессом адаптации к новым условиям находилось в тяжелом экономическом положении и было не в состоянии брать на себя подобные обязательства [23, л. 12]. В некоторых случаях при положительном решении вопроса об открытии самостоятельных приходов в станах Киргизских миссий и назначении причта возникала еще одна проблема – наделения причта землей. По закону каждому штатному причту светские власти должны были предоставить в пользование землю – 99 десятин для ведения хозяйства – пахотной, сенокосной или пастбищной. Однако на территории Степного края большинство земельных ресурсов находились в пользовании казахских обществ или принадлежало

казачьим войскам. Поэтому и здесь приходилось испытывать определенные трудности в решении данного вопроса. Показателен в этой связи пример с Большенарымским станом. При создании здесь самостоятельного православного прихода процесс наделения земель причта растянулся на шесть лет.

В конечном итоге, несмотря на многочисленные обращения начальника миссии к епархиальным властям с просьбой решить положительно проблему, миссионеры Киргизской миссии Омской епархии так и не были освобождены от функций приходских священников.

Таким образом, 80–90-е гг. XIX в. знаменовали процесс становления и развития Киргизских миссий в Степном крае. Несовпадение административно-территориального деления с приходской системой края привело к тому, что на территории Степного генерал-губернаторства были образованы практически одновременно две Киргизские миссии – первая в пределах Омской епархии, действовала в Акмолинской и Семипалатинской областях, вторая – в Оренбургской епархии – на территории Тургайской и Уральской областей.

В связи с усилением позиций ислама среди казахокочевников обе миссии были призваны изначально препятствовать дальнейшему его распространению и активно привлекать казахов в лоно православной церкви. Однако особенности этноконфессиональной и социокультурной ситуации в Омской и Оренбургской епархиях привели, в конечном итоге, к расхождению в определении целей и задач Киргизских миссий. Так,

омские миссионеры считали необходимым целенаправленно проводить работу исключительно среди казахского населения края, в то время как их оренбургские коллеги видели эти задачи гораздо шире. Помимо казахского населения они включали в поле своей деятельности крестьян-переселенцев, оказавшихся в сложной ситуации и подвергшихся культурной и религиозной ассимиляции со стороны казахов-мусульман. Таким образом, одним из направлений деятельности оренбургских миссионеров стало укрепление в православной вере русского населения края.

Различались и структуры миссий. Киргизская миссия Омской епархии использовала классический метод организации своей деятельности по аналогии с Алтайской духовной миссией, в основе которого был заложен принцип работы станов во главе с миссионерами, подчинявшимися начальнику миссии. При этом территориальные границы станов не были четко определены. В этом же контексте действовала на начальном этапе и Оренбургская миссия. Однако в связи с распространением антиисламской деятельности за пределы казахской степи на территорию Оренбургской губернии структура миссии была трансформирована. Координатором миссионерской деятельности стал Оренбургский епархиальный Комитет православного миссионерского общества, который разделил территорию епархии на миссионерские округа, уезды и станы, которым соответствовали должности окружных, уездных миссионеров и миссионеров отдельных станов. Киргизская миссия стала подчиняться комитету, потеряв независимость.

Библиографический список

1. Лысенко, Ю.А. Киргизская Духовная миссия Омской епархии в 1881–1917 гг. / Ю.А. Лысенко // Макарьевские чтения : материалы Шестой международной конференции. – Горно-Алтайск, 2007.
2. Модоров, Н.С. История и культура Горного Алтая / Н.С. Модоров. – Горно-Алтайск, 1991.
3. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 28.
4. Софронов, В.Ю. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской епархии / В.Ю. Софронов, Е.Л. Савкина [Электронный ресурс]. URL: www.zaimka.ru
5. Отчет Омского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1902 г. // Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). – 1903. – №10. – 15 мая.
6. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // ОЕВ. – 1900. – №12. – 1 июля.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 5а.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 25. – Оп. 1. – Кн. I. – Д. 1426.
9. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 183а.
10. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 8.
11. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 3.
12. Ефимов, А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви / А.Б. Ефимов. – М., 2007.
13. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 5.
14. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 153а.
15. ГАОрО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 23.
16. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 г. // Оренбургские епархиальные ведомости (ОрЕВ). – 1910. – №20. – 15 окт.
17. Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // ОЕВ. – 1899. – №18. – 15 сент.
18. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // ОЕВ. – 1900. – №17. – 1 сент.
19. Государственный архив Омской Области (ГАОО). – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 60.
20. ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 115.
21. ОрЕВ. – 1907. – №43. – 25 окт.
22. ГАОрО. – Ф. 175. – Оп. 1. – Д. 158.
23. ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 115.